

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ВОСПРОИЗВОДСТВО,
ТЕХНОЛОГИИ,
ИНСТИТУТЫ

УДК 330.8
ББК 65.01
Э 158

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-02-14023г

Рецензенты:

заслуженный деятель науки, доктор экономических наук, профессор *В. Н. Лившиц*
доктор экономических наук *Е. В. Михайлова*

Э 158 **Эволюция экономической теории:** воспроизводство, технологии, институты. Материалы X Международного Симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. – СПб.: Алетейя, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-9905980-1-0

В сборнике представлены доклады участников X Международного симпозиума по эволюционной экономике «Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты» (г. Пущино, Московской области, 12–14 сентября 2013 г.) и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. Содержание сборника и аннотации докладов представлены также на английском языке.

The Evolution of Economic Theory: Economic Reproduction, Technology, Institutions. X International Symposium on Evolutionary Economics and Methodological Seminar on Institutional and Evolutionary Economics. – St. Petersburg: Aletheia, 2015. – 320 p.

The volume presents papers discussed both on X International Symposium on Evolutionary Economics "The Evolution of Economic Theory: Economic Reproduction, Technology, Institutions", Pushchino, Moscow Region, September 12–14, 2013 and the Methodological Seminar on Institutional and Evolutionary Economics. Full papers in Russian as well as abstracts in English are presented.

ISBN 978-5-9905980-1-0

9 785990 598010

УДК 330.8

ББК 65.01

© Коллектив авторов, 2015
© Институт экономики РАН, 2015
© Центр эволюционной экономики, 2015
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

**ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ВОСПРОИЗВОДСТВО, ТЕХНОЛОГИИ, ИНСТИТУТЫ**

Материалы X Международного Симпозиума по эволюционной экономике
и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике

Главный редактор издательства *И. А. Савкин* • Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский* • Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53. Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 26. Печать офсетная. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	7
--------------------	---

Раздел I

История экономической мысли: новые результаты

<i>О. И. Ананьин</i> Ричард Кантильон: первый опыт построения теоретико-экономической системы	9
<i>Д. Холл</i> Торстейн Веблен и его кантианский подход к эволюционному мышлению	19
<i>Н. А. Макашева</i> На пересечении экономики, эпистемологии и этики: Дж. М. Кейнс и Ф. Найт о проблеме неопределенности	27

Раздел II

Длинноволновая динамика

<i>Ф. О'Хара</i> Длинные волны экономического роста в глобальной, континентальных и региональных экономиках, 1940–2010 гг.	37
<i>В. Е. Дементьев</i> Факторы цикличности радикальных инноваций	55
<i>С. Г. Кирдина</i> К анализу макроинституциональной циклической динамики	66
<i>Г. М. Соколов</i> Исследование институциональных изменений на основе контент-анализа земельного законодательства, Россия, 1990–2012	79

Раздел III

Экономические системы и социальное моделирование

<i>В. Л. Макаров</i> Инструменты социального моделирования расширяют возможности научного анализа	88
<i>Г. Б. Клейнер</i> Почему экономика не является системной наукой?	92
<i>Б. А. Ерзнкян</i> Эволюция социальных порядков и перспективы экономического развития	109
<i>Д. С. Чернавский, Н. И. Старков,</i> <i>С. Ю. Малков, А. В. Щербаков</i> Короткие экономические циклы	119
<i>К. А. Зорин</i> Дихотомия денежной массы как основа функционирования мегарегулятора	131
<i>С. Э. Желаева</i> Временные аспекты самоорганизации экономической системы	141
<i>Н. Д. Балашов, М. А. Настыч</i> Эволюция поведения экономических агентов на рынке труда	150

Раздел IV

Инновационные системы в экономической практике

<i>О. Г. Голиченко</i> Национальная инновационная система: проблемы теории и практики	156
<i>Д. Сайфер</i> Национальные инновационные системы: институциональная зависимость от предшествующего пути и экономическое развитие в Латинской Америке	167
<i>Е. В. Устюжанина, В. Е. Дементьев</i> Экономическое обоснование цен на инновационную продукцию в условиях монополии	182
<i>Н. Н. Волкова, Э. И. Романюк</i> Факторы инновационного индекса и динамика ВРП	194
<i>Ю. Е. Балычева</i> Элементарные процессы и результативность инновационной деятельности	207
<i>К. А. Устинова</i> Инновационная активность населения (на примере молодежи)	218

Раздел V

Теория переключающегося режима воспроизводства

<i>В. И. Маевский, С. Ю. Малков</i> Элементы макроэкономической теории воспроизводства	227
<i>В. И. Маевский, С. Ю. Малков, М. Ю. Иванов, А. А. Рубинштейн</i> Использование модели переключающегося режима воспроизводства для имитации «Великой Депрессии» и эффекта включения банков	245
<i>П. Н. Ключин</i> Эволюционный принцип в теории хозяйственного кругооборота	259

Раздел VI

Экономическая методология и экономическая политика

<i>В. С. Автономов</i> Есть ли связь между экономической методологией и экономической политикой?	269
<i>В. Элснер</i> Снова об институционалистской теории институциональных изменений: Институциональная дихотомия в более формальном представлении	280
<i>Д. С. Чернавский</i> О математическом аппарате эволюционной экономики	293
<i>В. М. Полтерович</i> Проектирование институциональных реформ: перспективные траектории	299

Вместо заключения

<i>Г. Б. Клейнер</i> Биеение пульса эволюционной экономики	309
---	-----

Раздел I

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

О. И. АНАНЬИН¹

РИЧАРД КАНТИЛЬОН: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Обосновывается необходимость пересмотра стандартных схем генезиса экономической теории на основе переосмысления роли в этом процессе Ричарда Кантильона. Дается характеристика базовых методологических предпосылок его теоретической системы, ее влияния на формирование физиократической доктрины и последующее развитие экономики как науки.

Ключевые слова: Ричард Кантильон, зарождение экономической теории, детерминизм и неопределенность, дихотомия реальной и денежной экономики.

JEL коды: B11; B12; B41.

O. ANANYIN

RICHARD CANTILLON: THE FIRST ATTEMPT TO BUILD A THEORETICAL SYSTEM IN ECONOMICS

The paper argues for revision of standard schemes of the genesis of economic theory and for rethinking Richard Cantillon's role in this process. Basic methodological assumptions of his theoretical system are considered, as well as its impact on physiocratic doctrine and the later developments of economics as a science.

Keywords: Richard Cantillon, genesis of economic theory, determinism and uncertainty, real/monetary dichotomy.

JEL codes: B11; B12; B41.

В предисловии Виктора Рикети маркиза де Мирабо к «Сельской философии» (1763 г. издания) — одному из главных сочинений школы физиократов — содержится загадочное свидетельство о появлении знаменитой *Экономической таблицы*:

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт экономики РАН. Москва, Россия.

«Один человек вообразил и изложил «Таблицу», которая представляет наглядно источник, ход и результаты обращения, — и сделал из этого ядро и базу экономической науки и компас для управления государством. Другой развил плоды древа жизни и представил их людям и пригласил их продолжать его в следующем отношении: чтобы они... попробовали объяснить ее (таблицу) по-своему. Третий таким образом смеет сделать эту попытку; он подготовлен работой своих предшественников, он завладел их работами, он присоединил к этому свои собственные исследования, и из всего вместе взятого он сделал новое объяснение, — не руководимый вовсе честолюбием, но из уважения к этому бессмертному труду и чувствуя свой долг перед современниками» (Цит. по: *Эйдельмант* 1927. С. 146).

Александра Борисовна Эйдельмант, автор перевода этого фрагмента и практически единственной за весь советский период научной статьи о Ричарде Кантильоне 1927 г., выдвинула гипотезу, что названные Мирабо три человека — это, в порядке упоминания, Кантильон, Кенэ и сам Мирабо. Откуда следует (вопреки едва ли не всем учебникам истории экономической мысли), что именно Кантильон был тем, кто «наглядно представил источник, ход результаты обращения..., [сделав] из этого ядро и базу экономической науки в целом и компас для управления государством». Мог ли Кантильон сыграть роль, которую приписывает ему эта гипотеза, и какую базу он мог предложить экономической науке — вот вопросы, на которые предстоит ответить.

Научная судьба идей Кантильона

Есть только один источник для ответа на оба вопроса — единственное сохранившееся сочинение самого Кантильона: «Опыт о природе коммерции: общие вопросы». История этого сочинения, как и жизни его автора полна загадок и тайн. Судя по титульному листу, опубликовано оно было впервые в 1755 г. анонимно в Лондоне на французском языке в переводе с английского. Однако достоверность этих сведений вызывает сомнения у экспертов. Наиболее сомнительно указание на лондонского издателя, ненадежной считается и ссылка на перевод: известно несколько французских рукописей книги и ни одной английской. Имя автора появилось на книге годом позже при ее переиздании в виде приложения к французским переводам очерков Дэвида Юма. Впрочем, о рукописи Кантильона было известно еще до ее публикации. Так, одна из ее версий, по собственному признанию маркиза де Мирабо, находилась в его распоряжении в течение 16 лет. Однако инициативу публикации «*Опыта*» принято связывать не с физиократами, а с группой мыслителей, сплотившихся вокруг видного экономиста французского Просвещения Венсана де Гурнэ¹. Мирабо же рассчитывал опереться на идеи Кантильона при подготовке собственного сочинения, так что публикация «*Опыта*» заставила его вносить изменения в уже подготовленную рукопись (см.: *Meek*, 1963. Р. 16)². Между тем именно выход в свет этой книги Мирабо («*Друг людей, или трактат о народонаселении*») стал поводом для его исторической встречи с Франсуа Кенэ, положившей начало физиократическому движению (*Онкен*,

¹ Работу Кантильона знали и ценили также Тюрго и Кондилярк — виднейшие социальные мыслители своего времени.

² Еще одним свидетельством интереса к идеям Кантильона и одновременно каналом их распространения служили сочинения плагиаторов, из которых самым известным был Малахия Постлугэйт. Под его именем вышел популярный в свое время «*Универсальный коммерческий словарь*», ключевые статьи которого (о труде, обращении, бартере, деньгах, монете, наличности, проценте, банках, торговом балансе, рудниках) полностью или в значительной мере воспроизводили тексты Кантильона (см.: *Van den Berg*, 2012).

2008 [1902]. С. 666). Кенэ также был знаком с работой Кантильона, о чем свидетельствует ссылка на нее в его статье «Зерно» (1757 г.) в знаменитой Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Именно в этой статье, как отмечают исследователи творчества Кенэ, впервые сформулированы основные идеи его теоретической концепции, позже воплощенные в Экономической таблице.

Сразложением школы физиократов имя Кантильона было надолго предано забвению, лишь эпизодически фигурируя в сочинениях наиболее эрудированных авторов XIX в. В их числе был и Карл Маркс, благожелательно упомянувший о Кантильоне в первом томе «Капитала» и в своей главе «Анти-Дюринга». За этими скудными упоминаниями стояло тщательнейшее штудирование «Опыта», пятую часть которого Маркс буквально переписал в свои рабочие тетради (см.: *Ananyin*, 2014, С. 952–953). Для Маркса работа с книгой Кантильона почти совпала по времени (весна–лето 1863 г.) с изучением Экономической таблицы Кенэ (см.: *Gehrke and Kurz* 1995). Итогом этих исследований стало формирование марксовской теории воспроизводства и заодно переосмысление генезиса политической экономии в результате осознания роли воспроизводственной тематики в этом процессе. Влияние Кантильона на создание Экономической таблицы Маркс выразил словами Энея, героя поэмы Вергилия, которыми тот начал свое повествование о троянской войне: «*Quorum pars magna fui...*» — «Немало в этом я поучаствовал...». К сожалению, эта запись Маркса осталась в рукописи и дошла до читателя лишь недавно (*Маркс*, 1981. С. 38 (прим.); *Marx*, 2008 (MEGA), II/11: 33-4, note).

Переоткрыть же Кантильона для последующих поколений экономистов довелось У.С. Джевонсу, после того как он случайно натолкнулся на издание «Опыта» и отразил свои впечатления в журнальной статье (*Jevons*, 1881). Сочинение Кантильона он назвал «колыбелью политической экономии». Шумпетер, хотя и отверг это определение Джевонса, сославшись на наличие у многих его идей более ранних предшественников, тем не менее разделял мнение о приоритете Кантильона в области метода системного осмысления и представления экономической реальности — «метода картины» (в буквальном переводе — таблицы), явно имея в виду то, что он именовал «таблицей Кантильона–Кенэ».

Вызов и ответ

Полемический выпад Шумпетера против Джевонса высвечивает важную сторону становления экономики как науки: для успеха такого начинания нужны были как теоретические озарения, схватывавшие существенные черты исследуемой реальности, так и способность осмыслить эту реальность в ее целостности. Нужен был и «строительный материал» для здания новой науки, и проект самого здания. Предшественники Кантильона — Петти, Буагильбер, Дефо, наконец, Джон Ло — оставили россыпь идей (от объяснения цен затратами земли и труда до осознания взаимосвязанности отраслей и логики развития человеческих поселений), но не имели общего проекта экономической системы. Кантильон стал первым, кто наметил и осуществил такой проект.

Пользуясь современным термином, можно сказать, что экономика как теоретическая наука родилась под пером Кантильона в виде макроэкономической теории. Ее объектом была экономика отдельного государства, а задачей — анализ экономической, прежде всего, денежной, политики. Впрочем, в этом отношении трактат Кантильона почти не выбивался из общего потока меркантилистской литературы. Разве что

характерное для этой литературы полемическое начало было в нем завуалировано. Согласно гипотезе ведущего современного специалиста по Кантильону ирландского исследователя Антуана Мёрфи, одним из главных мотивов написания «Опыта» было стремление опровергнуть систему Джона Ло: «Подобно Годо в пьесе Беккета, Ло ни разу не появился в «Опыте», но он и его система присутствуют там постоянно» (Murphy, 1989. С. 248). Так что, с большой долей вероятности, первая **теоретическая** система в истории экономической науки была выстроена для ее противопоставления другой системе — **практической**, с тем чтобы показать, что крах этой последней был закономерен.

Базовая схема

Научный вклад Кантильона лежит в иной плоскости: он выстроил систему базовых предпосылок экономического анализа, которые были приняты его преемниками как нечто само собой разумеющееся, лишённое авторства и не требующее дальнейшей рефлексии. Отдельные элементы этой системы предпосылок со временем модифицировались, отпадали, заменялись новыми, но общий каркас, на базе которого развивалась экономическая мысль в эпоху классической политэкономии, сохранял в существенных чертах преемственность с его конструкцией.

Теория Кантильона — это сознательно выстроенная система абстрактных схем, или моделей. Автор неоднократно останавливает ход своих рассуждений, ссылаясь на то, что дальнейшее его развитие выводит их за рамки принятых допущений¹.

Ядром системы служит схема производства и воспроизводства богатства, фиксирующая объективные, жестко детерминированные условия поддержания жизнеспособности хозяйства. Ее элементы: (а) земля, пригодная для производства средств жизни и монополизированная ограниченным числом собственников; (б) крестьяне-земледельцы и (в) другие работники, обеспечивающие нужды всех групп населения в количестве, лимитированном плодородием земли. Система детерминирована общим объемом ресурсов, в конечном счете — земли, и своей структурой, или пропорциональностью частей, поскольку жизнеспособное, «естественное» состояние системы предполагает жизнеспособность (воспроизводимость) каждого ее элемента.

Эту жесткую базовую схему Кантильон дополняет двумя другими, допускающими вариативность: (а) иерархией экономических агентов (ролей) и (б) схемой денежного обращения, опосредующего связи между элементами базовой схемы. В совокупности получается достаточно гибкая конструкция, допускающая различные варианты общественного устройства (например, экономику командную и рыночную, закрытую и открытую) и удобная для анализа исторических ситуаций или альтернатив экономической политики.

Вся конструкция строится на предпосылке существования некоторого объективно заданного естественного состояния, которое имеет тенденцию воспроизводиться в ходе функционирования экономической системы. Это состояние определяется независимо от действия рыночного механизма. Последнему отводится важная, но служебная роль — способствовать сближению фактического состояния системы с естественным. Этот процесс мыслится колебательным и, в этом смысле, — уравнивающим.

¹ Вот типичный пример такого пассажа из 9-й главы первой части: «Конечно, государству было бы очень выгодно научить своих подданных производить товары, обычно ввозимые из-за границы, но на данном этапе анализа я рассматриваю государство только относительно самого себя». (Cantillon, 1931 [1755]. P. 25).

Предпосылка равновесия, или версии «невидимой руки»

Судьба предпосылки естественного (равновесного) состояния в экономической теории заслуживает внимания. Физиократы и представители классической политэкономии в целом восприняли ее от Кантильона без существенных изменений. После маржиналистской революции значение равновесия как отправной точки теории даже возросло, однако природа самого равновесия, его онтология, была переосмыслена. Теперь «экономическое равновесие... не определяется в тех же терминах, что равновесие физическое» (Фелпс, 2004 [1987]. С. 280). Оно стало пониматься как равновесие ожиданий экономических агентов, находящее свое непосредственное выражение в игре спроса и предложения. Механизм рынка стал конституирующим по отношению к равновесию, а не служебным, как у Кантильона и классиков.

Смещению точки отсчета от естественного состояния, как объективно равновесного к субъективно равновесному состоянию, как естественному, часто не придавалось значения. Более того, стереотипным стало убеждение, что теория общего экономического равновесия Вальраса и его последователей — это непосредственное развитие идеи «невидимой руки» Адама Смита, придавшее последней аналитическую строгость. Однако исследователи творчества Смита не готовы принять такое толкование. Как отмечает Амос Витцтум, «борьба вокруг вопроса об отношении смитовской невидимой руки к современной экономической теории — это борьба за душу классической экономики. Для многих использование невидимой руки в качестве метафоры первой теоремы благосостояния — это пародия, подразумевающая, что экономическая теория Смита — не более чем примитивная форма современной экономики» (Witztum, 2010. P. 191). Между тем, согласно Витцтуму, равновесные состояния по своим свойствам в обоих случаях не тождественны. У Смита достижение равновесия благотворно, но не обязательно экономически эффективно: оно «скорее обеспечивает распределение в соответствии с нуждами, чем распределение, удовлетворяющее желанием» (Ibid).

Дистанция между «равновесием» у Вальраса и «естественным состоянием» у Кантильона еще больше. В отличие от оптимиста Смита скептик Кантильон не нуждался в гипотезе «невидимой руки». Соответственно, его представление о естественном состоянии было свободно от ценностной нагрузки. Логику рассуждений Кантильона можно реконструировать как комбинацию двух начал. Одно — убеждение в наличии мощных факторов, предопределяющих движение экономики к естественному состоянию; противодействие такому движению он считал тщетным. Второе — вера в то, что ограниченное пространство для сознательного действия, способного улучшить естественный ход событий, все же имеется.

Иллюстрацией первого убеждения может служить описание Кантильоном судьбы запрета на экспорт золота и серебра в Португалии:

«Если португальский король строго, под угрозой не только конфискации, но и лишения жизни, запретит вывозить из государства золото и серебро в любом виде, то страх перед запретом прежде всего воспрепятствует банкирам вообще участвовать в урегулировании торгового баланса... Английские торговцы, не получая из Лиссабона своей выручки, перестанут поставлять туда суконные изделия, сукно чрезвычайно подорожает ... Чтобы приобрести сукно, португальская знать и другие... будут предлагать двойную цену, но поскольку и для таких покупок нужно вывозить деньги за границу, возросшая цена на сукно станет прибылью для тех, кто будет вывозить золото или серебро за пределы королевства, невзирая на запрет. Это побудит многих евреев, как

и других, доставлять золото и серебро на английские суда, находящиеся в лиссабонском порту, пусть даже с риском для жизни. Поначалу они будут получать 100 или 50 процентов за такие услуги... Постепенно, благодаря успешной практике, эти посредники привыкнут действовать таким образом, и в дальнейшем будут доставлять деньги на английские суда за цену в 2 или 1 процент» (*Cantillon*, 1931 [1755]. P. 265–267).

Что несет с собой эта неумолимая логика: добро или зло? Сторонники «невидимой руки» склоняются к первому ответу; образу мысли Кантильона — ближе второй. В «Опыте» мы находим несколько эпизодов, демонстрирующих расхождение между тем состоянием дел, которое Кантильон считает естественным, и тем, которое он оценивал как предпочтительное.

Один из них касается распределения собственности на землю. Позиция Кантильона обусловлена двумя составляющими. Первая — этически окрашенная констатация, что «вряд ли Провидение наделило одного человека бóльшим правом владеть землей, чем другого. Древнейшие титулы основаны на насилии и завоевании» (*Ibid.* P. 31). Вторая — фиксация объективного исторического факта: «но каким бы путем люди ни получали землю в собственность и владение, она всегда... оказывается в руках небольшой части всего населения» (*Ibid.*). Ни практических выводов, ни оценочных суждений по этому поводу Кантильон не делает.

Вмешательство государства в естественный ход экономических дел Кантильон оценивал, как правило, скептически, считая бесполезным, неразумным, манипуляционным, а то и коррупционным. Однако саму возможность благотворной роли правителя он не исключал. В контексте статистики такой шанс он связывал с «манерами» собственников земли. Дело в том, что даже в детерминированной схеме производства продукта у Кантильона есть элемент, допускающий вариативность структуры этого продукта. Это спрос собственников земли. В каждый момент времени этот спрос задан и является параметром естественного состояния. Но с течением времени он может меняться. Последствия таких изменений Кантильон иллюстрирует ситуацией, при которой лошади могут вытеснять людей:

«Если вельможе или земельному собственнику... вздумается значительно изменить образ жизни, например, если он сократит число домашних слуг и увеличит число лошадей, тогда не только слуги будут вынуждены покинуть данное поместье, но и соответствующее количество ремесленников и земледельцев, которые их обеспечивали своими продуктами. Земли, прежде предназначенные для содержания этих людей, будут отведены под травы для новых лошадей, а если этому примеру последуют все собственники земли в государстве, то это вскоре приведет к увеличению поголовья лошадей и сокращению числа людей» (*Ibid.* P. 63).

Подобное развитие событий могло быть естественным, хотя благоприятным Кантильон его явно не считал. При этом единственным средством противодействия нежелательному сценарию он считал личный пример правителя:

«Пример государя, которому следует его двор, обычно способен определить склонности и вкусы остальных земельных собственников, а пример последних естественным образом влияет на все низшие сословия. Так что не приходится сомневаться, что государь своим собственным примером и без всякого принуждения может придать труду своих подданных такой оборот, какой пожелает» (*Ibid.* P. 93).

Главным фактором экономической динамики у Кантильона служит приток денег в страну. Естественный ход развития в этих условиях представлялся ему двухфазным: «Государство, достигшее высшей точки своего богатства — а я всегда предполагаю, что относительное богатство государств заключается, прежде всего, в соответствующих количествах денег, которыми они располагают, — в силу обычного хода вещей не избежит того, чтобы снова не впасть в нищету» (Ibid. P. 185). Такой исход объяснялся расслабляющим влиянием роскоши:

«Купцы будут первыми, кто сможет обогатиться, затем свою долю получит судейское сословие, государь и откупщики будут получать с расходов тех и других, раздавая милости по своей прихоти. Когда же в данном государстве появится избыток денег, свое возьмет роскошь, и государство придет в упадок» (Ibid. P. 193).

Данную тенденцию Кантильон комментировал двумя ремарками. Одна из них оставляла надежду: «умелый министр всегда может снова запустить движение по этому кругу» (Ibid. P. 195); другая напоминала о сопутствующих рисках: «...поскольку по законам естественного хода человеческих дел, государство должно, в конечном счете, пасть само по себе, они [правители] лишь понемногу ускоряют падение» (Ibid. P. 185). Последний тезис Кантильон поясняет так:

«Когда государство усиливается благодаря торговле, и обилие денег ведет к чрезмерному удорожанию земли и труда, государь или законодатель должны, как представляется, изымать часть денег, хранить их для непредвиденных случаев и стараться замедлить их обращение всеми средствами, кроме принуждения и злонамеренности. И все это ради того, чтобы избежать чрезмерной дороговизны своих товаров и отрицательных последствий привычки к роскоши.

Так как непросто установить, когда все это нужно делать, и когда именно обилие денег становится избыточным и перестает служить благу государства и сохранению его преимуществ, то государь и главы республик, не очень склонные разбираться в подобных вопросах, видят лишь те возможности, которые обильные государственные доходы создают для усиления власти и нападков на другие государства под самыми пустыми предложениями» (Ibid. P. 185).

Итак, естественное состояние по Кантильону не означает наилучшего или хотя бы благоприятного. Это удобная точка отсчета для познания сущего, но отнюдь не критерий должного.

Экономика: реальная и денежная

Вторая важнейшая базовая предпосылка теоретической системы Кантильона — разведение производственной и денежной сфер, предтеча классической дихотомии реальных и монетарных факторов. Разведением этих сфер Кантильон решал фундаментальную проблему соотношения детерминизма и неопределенности. Производство богатства детерминировано объективными факторами, в основном неподвластными воле человека, но в действие они приводятся отчасти самими людьми с их ограниченными возможностями и несовершенными механизмами взаимодействия. Так, он отмечал, что «продавцы, упорно желая сохранить на рынке свои цены, [часто] упускают случай выгодно продать свои продукты и товары и терпят убыток». При этом он признавал, что «хотя такой способ установления рыночных цен не имеет под собой точного, или геоме-

трического, основания, поскольку все зависит от настойчивости или умения торговаться со стороны небольшого числа покупателей или продавцов, другого, более удобного пути, похоже, не существует» (Ibid. P. 121, 119).

В этих условиях неизбежен зазор между естественным состоянием и реальностью: «внутренняя ценность всегда неизменна, но невозможность поддерживать в государстве соответствие между производством товаров и продуктов и их потреблением вызывает ежедневные колебания, постоянные приливы и отливы в уровнях рыночных цен» (Ibid. P. 31). И хотя, по убеждению Кантильона, этот зазор, как правило, невелик¹, именно он очерчивает область применения тех концептуальных схем, которыми он дополняет свою базовую производственную схему.

Первоначальный вариант этой схемы Кантильон конкретизировал в виде модели большого — размером со страну — помещичьего хозяйства, в котором воля хозяина доводилась до непосредственных производителей через иерархию надсмотрщиков. К модели рыночной организации хозяйства он перешел с помощью мысленного эксперимента, в соответствии с которым надсмотрщики в обмен на обязательство выплачивать хозяину ренту становятся самостоятельными фермерами или мастерами-ремесленниками. Базовая производственная схема этим не затрагивалась: объем и структура общественного продукта должны были остаться прежними, но предпочтения собственника земли стали теперь доводиться не прямыми распоряжениями, а через рыночный спрос. Иными словами, изменение ролей участников производства вело к изменению механизмов взаимодействия, что и вызвало потребность в дополнительной концептуальной схеме денежного обращения.

Поскольку кругооборот общественного продукта осуществлялся теперь через рынок, постольку среднее звено социальной иерархии (фермеры и мастера-ремесленники) стало звеном предпринимателей-посредников, которые на свой страх и риск согласовали труд работников с запросами аристократии. В сочетании с институционально-поселенческой структурой общества это позволило Кантильону представить кругооборот продукта в виде системы товаропотоков, ветвящихся на пути от крупных товаропроизводителей и оптовых торговцев до мелких лавочников, и соответствующей системы денежного обращения, объединяющей денежные ручейки мелкой торговли в крупные денежные потоки рентных и налоговых платежей.

Именно введение в эту схему предпринимателей-посредников, несущих бремя неопределенности, позволило Кантильону рационально объяснить механизм уравнивания экономической системы без обращения к искусственным метафорам типа «невидимой руки». В дальнейшем он развил эту концептуальную схему в двух направлениях: во-первых, за счет учета влияния пространственного фактора на денежные расчеты, что позволило снять предпосылку закрытого хозяйства через допущение валютных обменов; во-вторых, за счет введения в теоретическую схему банков и допущения бумажно-денежного обращения.

Только выявив механизмы функционирования экономики, среди которых денежное обращение занимало центральное место, Кантильон смог подойти к решению своей главной задачи — раскрытию изъянов в системе Джона Ло. Этому вопросу посвящены заключительные страницы «Опыта». Метод анализа остался прежним: Кантильон очерчивает ту область, где люди имеют возможность влиять на экономические процессы, и показывает границы такого влияния. Применительно к системе Ло к этим аспектам добавился фактор, можно сказать, институциональных реформ, в данном случае, связан-

¹ «... В хорошо организованных обществах рыночные цены на товары, потребляемые более или менее постоянно и единообразно, резко не отличаются от их внутренней ценности» (Ibid. P. 31).

ных с учреждением общественного (фактически — государственного) банка и набора финансовых инструментов. Кантильон показывает, что такие нововведения создали дополнительные возможности для манипулирования в сфере обращения и, тем самым для искусственного и небезопасного увеличения разрыва между естественным состоянием и фактическим положением дел. Вот его итоговое резюме:

«...Банк в сговоре с министром всегда может, по воле этого министра и действуя с осторожностью, поднять и поддерживать курс государственных ценных бумаг на высоком уровне, снижая норму процента в данном государстве, и таким образом освободить государство от его долгов. Однако подобные ухищрения, открывающие дорогу к созданию немалых состояний, редко применяются в интересах одного лишь государства; участники таких операций зачастую оказываются коррумпированными. Излишние банковские билеты, выпускаемые и распространяемые в подобных случаях, не нарушают денежного обращения, поскольку, обслуживая покупки и продажи ценных бумаг, они не используются для семейных расходов и не обмениваются на наличные деньги. Но если какие-либо страхи или непредвиденные обстоятельства заставят держателей ценных бумаг потребовать у банка их деньги, то бомба разорвется и станет ясно, что такие операции опасны» (Ibid. С. 323).

Заключение

Теоретическая система Ричарда Кантильона показывает, что предпосылка естественного, равновесного состояния с самого начала систематического теоретизирования в области экономики служила важнейшим эвристическим средством. Однако, в отличие от многих своих преемников в сфере экономической теории, Кантильон понимал это естественное состояние в единстве его основных элементов: характеристик самого этого состояния, механизма движения к равновесию, а также функции этого понятия в познании и практической деятельности. Целостность этого видения помогла ему избежать двух основных ловушек, связанных с этим подходом. Кантильон не верил ни в анонимный саморегулирующийся рыночный механизм, как это случилось с приверженцами классической модели рынка без предпринимателей; ни в идентичность естественных и нормативных характеристик состояния равновесия — краеугольный камень мифа о «невидимой руке» и в классической, и в неоклассической теории.

Аналогичным образом, введя разграничение производственной и денежной сфер, Кантильон использовал его для анализа взаимодействия этих сфер, не допуская разрыва между ними, как это случилось в дальнейшем, когда классическая дихотомия долгое время служила препятствием адекватному включению денег в экономическую теорию.

Литература

Маркс К. (1863). Выписки из “*Essai sur la Nature du Commerce en Général*” Кантильона / Российский государственный архив социальной и политической истории (РГА-СПИ). Фонд 1. Опись 1. Дело 5583. С. 62–121.

Маркс К. (1981). [Капитал] Вторая книга. Процесс обращения капитала (Рукопись 1868–1870 гг.) / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 50. М.: ИПЛ.

Онкен А. (2008) [1902]. Система физиократов / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур. Физиократы. Избр. экономические произведения. М.: Эксмо.

- Феллс Э. С.* (2004). [1987]. Равновесие: концепция с точки зрения ожиданий / Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла и П. Ньюмена. М.: Инфра-М.
- Эйдельмант А. Б.* (1927). Кантильон и его место в теории воспроизводства // Вестник Комакадемии. Вып. 23. С. 120–148.
- Ananyin O.* (2014). «Quorum pars magna fui»: On the Cantillon — Marx connection // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 21. № 6. Pp. 950–976.
- Cantillon R.* (1931) [1755]. Essai sur la nature du commerce en général. Ed. by *H. Higgs*. London: Macmillan.
- Gehrke C., Kurz H.* (1995). Karl Marx on Physiocracy // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 2. № 1. Pp. 53–90.
- Jevons W. S.* (1881). Richard Cantillon and the nationality of political economy // Contemporary review. Vol. 39. January. Pp. 61–80.
- Marx K.* (2008) [1868]. Manuskripte zum Zweiten Buch des “Kapitals” 1868 bis 1881 / Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA). Berlin: Dietz Verlag/Akademie Verlag, II/11: 33-4, note.
- Meek R.* (1963). The Economics of Physiocracy. Essays and Translations. Cambridge (Ma): Harvard University Press.
- Murphy A. E.* (1989). Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist. Oxford: Oxford University Press.
- Schumpeter J. A.* (1954). History of Economic Analysis. Oxford: Oxford University Press.
- Van den Berg R.* (2012). Something wonderful and incomprehensible in their oeconomy. The English versions of Richard Cantillon’s Essay on the Nature of Trade in General // European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 19. № 6. Pp. 868–907.
- Witztum A.* (2010). Interdependence, the Invisible Hand, and equilibrium in Adam Smith // History of Political Economy. Vol. 42. № 1. Pp. 155–192.

Д. Б. ХОЛЛ¹

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН И ЕГО КАНТИАНСКИЙ ПОДХОД К ЭВОЛЮЦИОННОМУ МЫШЛЕНИЮ²

Задача данного исследования состоит в том, чтобы показать: подход к экономической и социальной эволюции, предлагаемый Торстейном Вебленом, использует идеи и опирается на мышление философа Иммануила Канта. Кантовское понимание субрепции использовано в работе (Veblen, 1918). Оно позволяет объяснить, каким образом денежные ценности бизнесменов смогли коррумтировать более достойные общественные ценности и тем самым повлияли на эволюцию высшего образования. Уильям Даггер опирается на вебленовское понимание субрепции для объяснения возникновения корпоративной гегемонии³.

Ключевые слова: Иммануил Кант, Торстейн Веблен, Уильям Даггер.

JEL коды: B15, B25, B31, B41, B52.

J. B. HALL

THORSTEIN VEBLEN AND HIS KANTIAN APPROACH TO EVOLUTIONARY THINKING

This inquiry seeks to establish that Thorstein Veblen offers an approach to economic and social evolution that draws from and builds upon the thinking of philosopher Immanuel Kant. Veblen's Kantian approach to evolutionary thinking, appears in *The Higher Learning in America* [1918], in which he applies Kant's understanding of subreption in an effort to connect how pecuniary values of businessmen can tend to corrupt more noble, societal values, thereby contributing to the evolution of higher education. William Dugger draws from Veblen's understanding and use of subreption as he marks the emergence of corporate hegemony.

Keywords: Immanuel Kant, Thorstein Veblen, William Dugger.

JEL коды: B15, B25, B31, B41, B52.

Введение

Данное исследование уходит корнями в историю экономической мысли. Оно сосредоточено на конструктивном вкладе Торстейна Веблена в эволюционное и институциональное мышление и имеет дело с методологией или *подходом*⁴, вытекающими из взглядов Веблена.

В трудах Тони Лоусона (Lawson, 1994; 1997; 2003) отмечается, что за каждой методологией и подходом, применяемыми в экономических исследованиях, стоит набор фило-

¹ Профессор экономики и международных исследований, профессор-исследователь Портлендского Университета, штат Орегон, США, профессор-исследователь Института экономических исследований (г. Галле, ФРГ).

² Статья дана в авторской редакции (с сокращениями).

³ Автор выражает признательность А. Данлопу (A. Dunlap) за его помощь в разработке идей, представленных в данном исследовании.

⁴ В данном исследовании термины «методология» и «подход» заменяют друг друга. В моем понимании «методология» говорит о большей конкретике, тогда как «подход» можно понимать в более общем смысле.

софских допущений, который может быть связан также с определенной философской школой. Лоусон относит методологию, на которую опираются неоклассики мейнстрима, к глубоко укорененной философской традиции «логических позитивистов» и, что особенно важно, к традиции, идущей от Дэвида Юма — шотландского философа эпохи Просвещения. Лоусон полагает, что методологию или подход в экономической науке можно оценивать по их способности (или отсутствию оной) объяснять реальность. Если методология считается малопригодной для пояснения и объяснения реальности, то ее можно оценивать как страдающую «пороком объяснения» (Lawson, 1997. Pp. 89–91). Лоусон указывает на недостатки, обнаруженные в неоклассической традиции, и методологические слабости, связанные с предпосылками, присущими логическому позитивизму.

Основная цель данного исследования состоит в изучении особого подхода в экономическом и социальном исследовании, связанного с мышлением Веблена, и в установлении его связи с философскими концепциями Канта. С точки зрения эволюционного мышления Веблен является особенно значимой фигурой, так как именно он написал и опубликовал в 1898 г. основополагающую статью «Почему экономическая теория не является эволюционной наукой?» (Veblen, 1993), где определяется область эволюционных и институциональных исследований и открываются возможности дальнейшего развития кантианского подхода.

Веблен и кантианский подход в эволюционном мышлении

Подход, который может быть выведен из вебленовского мышления, вырастает из мышления Канта. Более чем за 100 лет до того, как Веблен начал свои исследования, Кант в конце своей инаугурационной диссертации [Kant, 1770] вводит то, что обозначается по латыни как «vitium subreptionis metaphysicum»¹. Эта фраза переводится на немецкий как «der metaphysische Fehler der Erschleichung», а на английский как: «the fallacy of subreption» (по-русски — заблуждение субрепции).

По мысли Канта, субрепция относится к реальности так же, как реальность относится к себе как процессу, медленно меняющемуся со временем. Медленное изменение реальности ведет к появлению изменившейся, то есть новой и иной реальности. Кантовское понимание субрепции связано с онтологией, т.е. с областью философии, которая имеет дело с реальностью, а именно — с проблемами «что есть» и «что существует». Соответственно, эпистемология определяет область философии, которая имеет дело со знанием, например, с проблемами «что есть знание?» и «как приобретается знание?». Как онтология, так и эпистемология нужны при рассмотрении того, что Кант выделяет как «заблуждение субрепции».

Углубляясь в этимологию, Кант использует латинское изречение vitium subreptionis metaphysicum. В слове subreptionis мы встречаем корень «гер». The Oxford Latin Dictionary (Glare (ed.), 1982. P. 1622) связывает этот корень с reptatus, что переводится как «акт ползания или переползания». Переходя с латинского на немецкий язык, Кант пользуется термином «Erschleichung», который согласно (Myret, Sanders, 1910. P. 845) переводится как «ползти вдоль». У нас термин «subreption» выступает как англизиро-

¹ «Инаугурационная диссертация» Иммануила Канта *De Mundi Sensibilis atque Intelligibilis Forma et Principiis* появилась в 1770 г. на латинском языке, а впоследствии вышла на языке его матери — немецком, как *Von der Form der Sinnens und Verstandeswelt und ihren Gründen* [относительно латинских и немецких текстов см. (Kant, 1959)]. В данном исследовании в основном использован английский перевод 1929 г. Джона Хэндисайда «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира» (Handyside, 1929).

ванная версия латинских слов *subreption* и *subrepticum*. Иными словами, латинский корень «-гер-» тоже прижился в английском языке и вошел в современное употребление. Для знатока «ползающая медленно передвигающаяся рептилия» будет служить полезной метафорой процессов, ассоциируемых с субрепцией. Хотя то, что мы будем рассматривать далее, не является настоящей перемещающейся по земле рептилией, но ползающей, перемещающейся, эволюционирующей и ухудшающейся реальностью. В немецком и английском языках *Erschleichung* и *subreption* считаются словами, имеющими одинаковое значение, и действительно заменяют друг друга при переходе с одного языка на другой.

В работе (*Sng*, 2010. Pp. 78–79) говорится, что истоки первоначального применения слова «субрепция» могут быть обнаружены в римском праве «... в качестве юридического термина, описывающего проникновение ложного свидетельства в законный судебный процесс». Ассоциация субрепции с «ложностью» и «обманом» сохраняется как корневая сущность ее значения на протяжении многих столетий, и это значение окрашивает интерпретации Канта, а также исследования Веблена и Дагера.

В конце своей инаугурационной диссертации Кант определяет субрепцию как дуализм и как дихотомное отношение между подлинным объектом или вещью, находящейся во времени (*Zeit*) и пространстве (*Raum*), наряду с его возможностями. В таком случае нам нужно рассмотреть человеческие восприятия (*die menschliche Wahrnehmungen*) указанного объекта или вещи¹. По мысли Канта, путаница может действительно возникать из-за того, что время и пространство воспринимаются интуитивно и поэтому могут рассматриваться как субъективные. В этом смысле субрепция предлагает слияние чувственного условия. Это слияние чувственного порождает смешение онтологических условий с эпистемологическими².

Снг (*Sng*, 2010. P. 79) разъясняет, что подобно тому, как эпистемологические условия коннотируют субъективные условия, человеческое восприятие вызывает знание, и это достигается при помощи интеллекта. Онтологические условия, которые Кант обозначает как «субъективные», рассматривают вещь или объект так, как они существуют, также как их возможности. Итак, кантовская субрепция может считаться имеющей место, когда человеческая субъективность (как восприятие) расплывается и смешивается с реальной подлинной вещью, а также с ее возможностями. На более строгом философском языке субрепция означает то, что может иметь место смешение эпистемологии объекта с его онтологией. Кант (*Kant*, 1929. P. 73) тонко замечает, что «метод всей метафизики в отношении чувственного и интеллектуального сводится ко всеобщему правилу: недопущению ... выхода принципов, свойственных чувственному восприятию, за пределы их границ и смешивания их с интеллектуальными» (специально подчеркнuto Кантом, согласно (*Handyside*, 1929)).

Торстейн Веблен о субрепции

Марк Блауг (*Blaug*, 1986. P. 258) сообщает нам, что в 1884 г., когда Веблен завершил докторскую работу, он прямо характеризует свой предмет как «философию». Из философов, которых Веблен добросовестно изучал, Кант представляется фигурой, наиболее сильно повлиявшей на его мышление. Внимательное прочтение статьи «Кан-

¹ После своей инаугурационной диссертации Кант продолжил исследование субрепции в «Критике чистого разума» (*Kant*, 1881), а также в «Критике способности суждения» (*Kant*, 2008). Однако в данном случае мы ограничились тем, что он излагает в своей инаугурационной диссертации 1770 г.

² См. у Канта (*Kant*, 1929. P. 74): «... иллюзии ума касательно вылавливания сенситивных концепций в качестве интеллектуальных меток можно назвать заблуждением субрепции».

товская критика суждения» (*Veblen*, 1890. Рр. 260–274) показывает Веблена как зрелого и преисполненного творческим духом философа, вполне способного критически и глубоко проникать в развитие идей Канта. Поэтому вполне оправданно предположить, что знакомство Веблена с просветительскими работами Канта, относящимися к концу XVIII в., привело его к пониманию «заблуждения субрепции», хотя внимательное прочтение Веблена не дает прямых упоминаний о субрепции в кантовских работах.

Вопреки принятому мнению о существующих институтах как об объективных, обладающих собственной онтологией (как в случае объекта или вещи), Кант учит нас, что действующие институты, обладающие онтологией, должны мыслиться как *чувственные*. Кроме того, если мы рассматриваем массовое общество конца XIX и начала XX вв., как это делал Веблен, следует принять во внимание мощные общественные и экономические интересы, воздействующие на существующие институты и способствующие со временем изменениям в них. Иными словами, когда мы рассматриваем вебленовскую традицию в социальных исследованиях, мы считаем уместным выражать это на языке перехода от одной онтологии к другой. Или же на языке перехода от существующей реальности, за которую цепляются консервативные члены общества, к новой и иной реальности.

В своих исследованиях конца XIX — начала XX вв. Веблен сосредоточивается на выдвигании крупного бизнеса на доминирующие позиции и связанных с этим экономических и общественных последствиях, сопряженных с продвижением денежных ценностей. Веблен искусно исследует эти темы в «Теории делового предприятия» (*Veblen*, 1904) и рассматривает множество вызовов, порождаемых тем, что производственные активы принадлежат и находятся под контролем бизнесменов, поглощенных погоней за прибылью. Он также рассматривает последствия технологического процесса и появление институтов, которые он подробно характеризует как «машинный процесс», порождающий глубокие воздействия на американское общество, включая изменение мышления и поведения людей по мере того, как общество все сильнее подпадает под влияние «машинной дисциплины».

Отличительной чертой Веблена и трех блестящих его учеников — Райта Ч. Миллса, Дона К. Гелбрейта и Уильяма Даггера, — была мысль донести до читающей аудитории, что старая действительность осталась позади, и общество вошло в новую реальность. Другая идея заключалась в том, чтобы оповестить нас: мы вошли в реальность, которую следует рассматривать как коррумпированную, деградирующую и унижающую человека — разумеется, в сравнении со старой реальностью.

В «Белых воротничках...» — одном из основных исследований по эволюции американских институтов, Миллс (*Mills*, 1953) подробно описывает, как американское общество эволюционировало от состоящего из независимых фермеров и лавочников в массу наемных работников, работающих на крупный бизнес. Это история о том, как независимость и плюрализм были подменены более мощными экономическими силами, и как в Соединенных штатах в первой половине XX в. возникли гегемонические институты. Во «Властвующей элите» (*Mills*, 1956) Миллс продолжает исследовать процессы, связанные с субрепцией: каким образом то, что изначально было независимыми институтами в плюралистической экономике и обществе, оказалось перекупленным изменяющимися экономическими и общественными силами и, тем самым, переплавилось в гегемонический руководящий институт — «властвующую элиту», по выражению Миллса, охватывающую политических лидеров, а также тех, кто руководит большим бизнесом, и особенно, военных и шоу-бизнес.

Во многом, подобно Миллсу, отдельные работы Гэлбрейта также опираются на

вебленовское понимание субрепции. В его основной работе «Новое индустриальное общество» (*Galbraith, 1967*) собраны концепции и принципы субрепции, изученные в ходе исследования экономики США. Гэлбрейт исследует принципы власти и то, как благодаря субрепции возрастает власть в руках крупного бизнеса и финансовых институтов¹. В своей «Анатомии власти» (*Galbraith, 1983*) при рассмотрении крупной корпорации Гэлбрейт вводит понятие «прирученной власти». Последняя проявляется посредством кажущихся безобидными и безболезненными процедур и норм, которые понемногу изменяют поведение наемных работников — в особенности менеджеров. А потом через их интернализированные ценности, связанные с корпоративной занятостью, незначительные акты «приручения» порождают большие общественные последствия, еще больше подменяя (запутывая) и одновременно определяя динамику и направление институциональной эволюции для всей экономики и общества.

В своей первой значительной работе «Теория праздного класса» (*Veblen, 1934 [1899]*), Веблен бросает вызов, а также предлагает альтернативу неоклассической теории, которая тогда только что утвердила себя с опубликованием книги Альфреда Маршалла «Принципы политической экономии». Тони Аспроморгус (*Aspromourgos, 1984. P. 625*) отмечает, что Веблен как первый мыслитель, выступивший с сильной и принципиальной критикой современного ему мэйнстрима, даже отчеканил термин «неоклассический», который закрепился в науке². Приблизительно за двадцать лет до выхода в свет основополагающей работы А. Маршалла и менее чем за тридцать лет до опубликования книги Веблена, Уильям Джевонс (*Jevons, 1871*) и Карл Менгер (*Menger, 1871*) также пытались утвердить экономическое значение гипотетического, индивидуалистического и рационального экономического человека. У Джевонса в традиции, идущей от Джереми Бентама (*Bentham, 1871*), этот ориентированный на полезность человек должен полагаться на «калькулус (расчет) счастья» в стремлении максимизировать свою предельную полезность в потреблении.

В понимании Веблена (*Veblen, 1934 [1899]*) потребление имеет мало общего с максимизацией предельной полезности. Оно гораздо больше связано с подражанием и с тем, как низшие классы общества перенимают ценности, сформированные высшими классами, подлинная значимость которых основана на деньгах и укоренена в относительно более высоких доходах, обусловленных прибылями и корпоративными дивидендами, извлекаемыми из распространения крупных деловых предприятий в конце XIX в. По мнению Веблена, этот праздный класс играет роль образца — в смысле продвижения денежных ценностей, которые, просачиваясь в низы, оказывают заметное влияние на общественные ценности. Имея это в виду, можно расценивать вебленовский «праздный класс» как начало исследований по субрепции в социальных науках.

Чему Веблен также учит нас, так это тому, что с течением времени денежные ценности в соединении с растущей властью бизнесменов привели к субрепции изначальных и относительно более принципиальных ценностей, на которых обычно базировались первые учебные заведения в США (колледжи). Это происходило из-за эволюции ценностей, используемых для денежного измерения успехов, особенно тогда, когда люди, обогатившиеся за счет достижений в бизнесе, стали считаться успешными и

¹ Оценивая вклад Гэлбрейта, Данн и Мирман (*Dunn, Mearman, 2006*) превозносят его «реалистический» подход. Однако этим авторам не удастся отразить его роль, связанную с подходом к вебленовскому пониманию субрепции.

² В статье «Предпосылки экономической науки» Веблен критикует неоклассическую теорию за то, что она полагается на понятия предельной полезности для объяснения потребления, а также за распространение «некритического убеждения, что существует тенденция к улучшению в ходе событий, вне связи с сознательными целями индивидуальных членов общества». Веблен саркастически называет это «канонами истины» неоклассической теории (*Veblen, 1900. P. 242*).

принципиальными руководителями, и поэтому их стали приглашать в советы директоров колледжей и возникающих тогда университетов. Со временем их денежные ценности и упор на важность рентабельности в качестве критериев для измерения успеха коррумпировали и разложили первоначальные, благородные и основополагающие ценности, которые вдохновляли и насыщали эти ранние институты высшего образования при их основании. Как следствие занятия такими бизнесменами руководящих позиций в советах, управлявших колледжами и университетами, повсеместно стал делаться упор на распространение «практических знаний» в ущерб «эзотерическим». Со временем американские колледжи и университеты сильно пострадали от субрепции их благородных ценностей. Из-за растущего влияния денежных ценностей эти институты эволюционировали, все больше и больше становясь управляемыми как деловые предприятия. Эту эволюционную тенденцию можно расценивать как достигшую новых и определяющих высот с появлением в последние десятилетия, особенно в США, колледжей и университетов, ориентированных на погоню за прибылью, которые не торопятся с признаниями об их приверженности к продвижению более благородных ценностей и целей, поскольку максимизация акционерной ценности заявляется как официальная цель.

Уильям Даггер о субрепции

В американской институциональной традиции вебленовское понимание субрепции долгое время не получало должного признания. Так было до 1980-х гг., когда профессор Уильям Даггер (*Dugger*, 1980, 1985, 1988, 1989) обратил внимание на то, что «субрепция разрушает основу плюралистического общества... — [заменяя] институциональную автономию.... институциональной гегемонией».

Исследуя анатомию и контуры власти, Даггер рассматривает четыре «инструмента гегемонии», которые доказали пригодность для понимания того, каким образом власть возрастает с течением времени путем субрепции (скрытой подмены) общепринятых ценностей. Даггер расставляет инструменты в следующем порядке: «субрепция», «заражение», «подражание» и «мистификация» (*Dugger*, 1980. Р. 901). Спустя восемь лет в другой статье «Институциональный анализ корпоративной власти» Даггер обозначает четыре «инструмента гегемонии» как «четыре процесса инвальюации»¹ (*Dugger*, 1988. Рр. 93–101). Затем он отбрасывает термин «субрепция» и ставит на его место термин «субординация». Теперь порядок расстановки инструментов таков: «заражение», «субординация», «подражание» и «мистификация». Даггер прямо называет эти «четыре процесса внедрения фальшивых ценностей» практическими субрептивными деформациями жизни американского общества в послевоенную эпоху.

В вышедшей через год книге «Корпоративная гегемония» Даггер подробно излагает номенклатуру этих четырех процессов внедрения фальшивых ценностей и роль каждого из них в ценностной деформации и эволюционном процессе выдвигания американских деловых предприятий на доминирующие позиции гегемона американского общества (*Dugger*, 1989. Рр. 129–151). Даггер настойчиво подчеркивает, что корпоративная гегемония достигается путем фальсификации ценностей, которые прежде позволяли более широкому кругу других институтов действовать независимо в среде, которая может быть охарактеризована как плюралистические экономика и общество. Как и у Веблена, в понимании субрепции у Даггера подразумевается, что доминирующий в США институт крупного бизнеса сначала

¹ То есть процесса замены, замещения ценностей (примечание редакторов).

изменяет ценности тех, кто непосредственно связан с его интересами, а затем структуру ценностей большинства членов общества, порождая новую и обманчивую действительность, т. е. сравнительно деградированную, выродившуюся и испорченную.

Итак, термин «субрепция» означает подкрадывающийся и расползающийся процесс деградации норм, навязываемый извне. В институциональном аспекте субрепция медленно, но с неумолимой силой ведет к негативному изменению устоявшихся ценностей, институтов и, наконец, общества — путем изменения убеждений, поведения, социальных норм, привычек и даже культуры. Субрепция подразумевает, что изменение внутренних ценностей людей может действительно приводить к добровольному принятию контроля извне. По словам профессора Даггера, когда внешний контроль усваивается, он тем самым становится законным (*Dugger, 1988. P. 92*). Те, над кем он осуществляется, начинают считать его оправданным и полезным. Кнут уже больше не нужен.

Заключение

Наша задача состояла в том, чтобы показать, что существует обоснованный методологический подход к эволюционному мышлению на основе трудов Веблена, и что этот подход опирается на кантовское понимание субрепции. Кант подчеркивал, что действительность эволюционирует, когда наши человеческие восприятия, изменяясь, движутся и смешиваются с онтологией вещи и объекта, что Кант обозначил как «слияние воспринимаемого». С точки зрения Канта, это есть «заблуждение субрепции». Опираясь на Канта, Веблен оспаривает представление, что институты обладают фиксированной онтологией. Он показывает последствия доминирования бизнеса в США, в частности, то, как денежные ценности передаются в обществе и коррумпируют те ценности, которые были более возвышенными и достойными. В своем конкретном социологическом исследовании он подробно разбирает, как денежная культура и увековечивание ею фигуры бизнесмена привели к эволюции высшего образования в США (*Veblen, 1918*). Непосредственно следуя Веблену, Даггер доказывает, что денежная культура, исходящая от крупного бизнеса, способствовала субрептивной деформации достойных ценностей и таким образом содействовала подъему «корпоративной гегемонии». В этом смысле субрепция (подмена) достойных ценностей денежными ценностями, специально навязываемыми лидерами крупного бизнеса, ведет к сомнительной, вырождающейся, унижающей и обесценивающей действительности, и этот процесс можно обозначить как «черная эволюция».

Перевод В. В. Зотова

Литература

- Aspromourgos T.* (1984). Neoclassical. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. Vol. 3. Ed. by John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman. London: Macmillan Press.
- Bentham J.* (1967). *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Oxford, B. Blackwell.
- Blaug M.* (1986). *Great Economists Before Keynes*. London: Cambridge University Press.
- Dugger W.* (1980). An Institutional Framework of Analysis // *Journal of Economic Issues*. Vol. 14. № 4. Pp. 897–907.
- Dugger W.* (1985). The Continued Evolution of Corporate Power // *Review of Social Economy*. Vol. XLIII. № 1. Pp. 1–13.

Dugger W. (1988). An Institutional Analysis of Corporate Power // *Journal of Economic Issues*. Vol. 22. № 1. Pp. 79–111.

Dugger W. (1989). *Corporate Hegemony*. New York: Greenwood Press.

Dunn S., Mearman A. (2006). The Realist Approach of John Kenneth Galbraith // *Challenge Magazine*, Vol. 49. № 4. Pp. 7–30.

Galbraith J. K. (1958). *The Affluent Society*. Boston, Mass.: Houghton Mifflin.

Galbraith J. K. (1967). *The New Industrial State*. Boston: Houghton Mifflin.

Galbraith J. K. (1983). *The Anatomy of Power*. Boston: Houghton Mifflin.

Handyside J. (translator) (1929). *Kant's Inaugural Dissertation and Early Writings on Space*. Chicago: The Open Court Publishing Company.

Jevons W. S. (1957). *The Theory of Political Economy*. New York: Kelly and Millman.

Kant I. (1959). *Von der Form der Sinnen- und Verstandeswelt und ihren Grnden*, found in *Werke in sechs Bänden. Schriften zur Metaphysik und Logik*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Pp. 12–107.

Kant I. (1881). *Critique of Pure Reason*. Translated by F. Max Müller. London: Macmillan [1781].

Kant I. (2008). *Critique of Judgment [1790]*. Translated by James Creed Merideth. *Forgotten Books [1790]*.

Lawson T. (1994). The Nature of Post Keynesianism and Its Links to Other Traditions: A Realist Perspective // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 16. № 4. Pp. 503–538.

Lawson T. (1997). *Economics and Reality*. London: Routledge.

Lawson T. (2003). *Reorienting Economics*. London: Routledge.

Marshall A. (1920). *Principles of Economics: An Introductory Volume*. London: Macmillan [1890].

Menger C. (1981). *Principles of Economics*. New York: University Press [1871].

Mills C. W. (1953). *White Collar: The American Middle Classes*. New York: Oxford University Press. *Eduard and Sanders, Daniel [1910]. Langenscheidts Handwörterbücher-Enzyklopädisches Wörterbuch*. Berlin: Langenscheidt.

Mills C. W. (1956). *The Power Elite*. New York: Prometheus Books.

Sng Z. (2010). *The Rhetoric of Error from Locke to Kleist*. Stanford, CA: Stanford University Press.

The Oxford Latin Dictionary (1982). Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press.

Veblen Th. (1884). *Kant's Critique of Judgment* // *The Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 18. Pp. 260–274.

Veblen Th. (1900). The Preconceptions of Economic Science // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 14.

Veblen Th. (1919). *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. New York: Viking Press.

Veblen Th. (1934). *The Theory of the Leisure Class*. New York: The Modern Library [1899]. № 2. Pp. 129–143.

Veblen Th. (1965). *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities*, Second Edition. New York: Augustus M. Kelly [1918].

Veblen Th. (1993). Why is Economics Not an Evolutionary Science? In: *A Veblen Treasury: From Leisure Class to War, Peace, and Capitalism*. Pp. 129–143. Ed. by Rick Tiltman. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe.

Veblen Th. (2005). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Cosimo Classics [1904].

Veblen Th. (2009). *Absentee Ownership: Business Enterprise in Recent Times: The Case of America*. London: Transaction Publisher [1923].

Н. А. МАКАШЕВА¹

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЭКОНОМИКИ, ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ЭТИКИ: ДЖ. М. КЕЙНС И Ф. НАЙТ О ПРОБЛЕМЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ²

Взгляды Дж. М. Кейнса и Ф. Найта по проблеме неопределенности в экономике рассматриваются в контексте эпистемологических, этических и методологических представлений этих авторов. Показано, что Кейнс и Найт признавали неопределенность важнейшей чертой экономики и с этих позиций критиковали экономическую ортодоксию, в то же время они по-разному понимали природу первой, ее роль в экономике и по-разному видели задачи экономической политики.

Ключевые слова: неопределенность, вероятность, этика, экономическое знание.

JEL коды: A13, B20, B41.

N. MAKASHEVA

AT THE “INTERSECTION” OF ECONOMICS, EPISTEMOLOGY, AND ETHICS: J. M. KEYNES AND F. KNIGHT ON UNCERTAINTY

Keynes's and Knight's concepts of uncertainty in economics are under consideration through prism of epistemological, economic and ethical views these authors upheld. Keynes and Knight reasoned that uncertainty was a fundamental feature of economic reality and from this standpoint they attacked the mainstream economics. At the same time, they perceived the meaning of uncertainty and judged its role in economy differently and considered the aim and the object of economic policy from different perspectives.

Keywords: uncertainty, probability, ethics, economic knowledge.

JEL codes: A13, B20, B41.

Мы постоянно убеждаемся в том, что мир, в котором мы живем, характеризуется высокой степенью неопределенности, что наши возможности уменьшить эту степень весьма ограничены. В то же время единственный, пусть и несовершенный, способ рационального поведения в этих условиях — полагаться на имеющееся у нас знание. Парадокс заключается в том, что «проблема знания обусловлена отличием будущего от прошлого, тогда как возможность ее решения зависит от степени сходства между ними» (Найт, 2003. С. 297). Очевидно, что «не существует способа, с помощью которого смертный человек может получить *определенное* (курсив автора. — Н. М.) знание о будущем» (Мур, 1984. С. 273).

В истории экономической мысли были случаи знаковых совпадений, к числу которых следует отнести публикацию в 1921 г. работы Ф. Найта «Риск, неопределенность

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

² Развернутый и переработанный вариант этой статьи был опубликован в журнале «Вопросы экономики» (2013. № 10).

и прибыль» («Risk, Uncertainty and Profit») (Найт, 1921) и Дж. М. Кейнса «Трактат о вероятности» («A Treatise of Probability») (Keynes, 1921).

Кейнс и Найт принадлежали к совершенно разным школам и были во многих отношениях скорее оппонентами. Они по-разному понимали задачи экономической науки и по-разному относились к ее практической функции. Но их объединяло признание неопределенности важнейшей чертой экономической реальности и осознание неадекватности для ее анализа существовавшего тогда инструментария — чистой теории. Вместе с тем, они по-разному понимали смысл неопределенности и ее роль в экономике и делали различные практические выводы.

Вероятностная логика Дж. М. Кейнса и экономическая теория. Этика у истоков новой логики и новой экономической теории

Истоки подхода Кейнса к анализу современной экономики, важнейшей характеристикой которой является неопределенность и ограниченность знания, следует искать в позиции его учителя Г. Мура, а точнее, в тех вопросах, относящихся к области этики, на которые он не дал ответа в «Принципах этики» (Mur, 1984).

Мур пытался сформулировать общие принципы рационального поведения, согласующиеся с этической максимой, — увеличения количества совокупного добра в мире. Рациональность он связывал с оценкой последствий тех или иных поступков с учетом данного критерия. Мур понимал ограниченные возможности людей предвидеть будущее, тем более отдаленное. Однако он полагал, что мы «должны иметь некоторые основания для того, чтобы считать, что ни одно последствие нашего поступка в далеком будущем не уничтожит перевеса добра, возникающего в тот период времени, на который может простирается наше предвидение» (Mur, 1984. С. 237–238]. Отсюда указание на расчет вероятности возможных последствий наших поступков и определение ожидаемой совокупной ценности, к которой поступки могут привести. В то же время Мур понимал, что «из-за нашего незнания будущего у нас нет способа точно рассчитать относительные выгоды всех поступков, возможных для нас в некоей ситуации» (Baldwin, 2006. P. 247). Это означало невозможность признать некий поступок правильным. И Мур оказался перед дилеммой: либо следовать обычной логике, но тогда нельзя определить правильный способ действия, либо отказаться от логического объяснения и призвать здравый смысл.

Кейнс попытался «реабилитировать» логику как основу рационального поведения, имея в виду иную логику — вероятностную, или нестрогое следования. Прежде всего, он отказался от требования при принятии решений исходить из баланса всех возможных положительных и отрицательных последствий того или иного поступка и ограничился более мягкими требованиями. Он писал: «Мы, конечно же, не должны иметь основания считать, что отдаленные последствия *в целом* будут такими, что перекроют баланс добра от непосредственных последствий наших поступков. Но мы не обязательно должны быть уверены в обратном. Если добро аддитивно и если у нас есть основания полагать, что в ближайшем будущем из двух поступков один приведет к большему добру, чем другой, и если при этом мы не можем разграничить их результаты в отдаленном будущем, тогда в соответствии с принципом безразличия мы можем предположить, что с некоторой вероятностью первый поступок является правильным» (Keynes, 1973. P. 342)¹.

¹ Суть принципа безразличия состоит в том, что если мы ничего не знаем о возможности наступления того или иного события из их некоей совокупности, то все события данной совокупности считаются равновероятными.

В практическом плане это означает возможность выбирать способ действий, исходя из конкретной ситуации, а не **следовать принятым универсальным правилам**, найти которые и пытался Мур. Это была очень важная позиция, которая применительно к экономической области выразилась в признании возможности принимать решения, сообразуясь с конкретной ситуацией, вместо того, чтобы следовать предписаниям претендовавшей на универсальность классической теории. Она нашла отражение в одной из первых больших экономических работ Кейнса — «Трактате о денежной реформе», когда автор обсуждал приоритеты экономической политики и способы достижения поставленных задач (Кейнс, 2007).

В «Трактате о вероятности» Кейнс отказывался от частотной трактовки вероятности как объективного свойства реальности и предложил рассматривать ее «скорее одним из способов нашего восприятия реальности» (Lawson, 1988. P. 42). Кейнс пришел к подобному пониманию вероятности, пытаясь выяснить его смысл применительно к очень простой ситуации — единичному событию из серии однотипных. Он считал, что в подобных случаях понятие вероятности, которым обычно пользуются, относится не к характеристике отдельного события, а к нашей оценке истинности утверждения, что при определенных условиях произойдет данное событие. И эту оценку он называл степенью рациональной веры в истинность некоторого суждения. Эта величина находится в пределах между нулем и единицей (Baldwin, 2006. P. XVI) и напоминает обычную вероятность.

Подобный взгляд на природу логического отношения отражал реальный процесс, посредством которого люди обычно делают заключения и принимают решения. Однако этот факт еще не свидетельствовал о правомерности перенесения подобной жизненной практики на логику как основу научного познания. И многие не принимали идей Кейнса. Например, Ф. Рамсей видел в степени рациональной веры прежде всего субъективную оценку вероятности и при этом в отличие от Кейнса, который допускал возможность лишь упорядочения степеней рациональной веры, считал возможным численное выражение субъективной степени веры через пари и предлагал работать с такими вероятностями обычным способом (Рамсей, 2011).

Важным следствием стремления Кейнса создать новую логику было разграничение понятий истинности и рациональности, столь важное для экономической науки. Он полагал, что утверждения, полученные с помощью нестрогого следования, не хуже тех, что получены логически (Shackle, 1995. P. 329), а поступки, на них основанные, вполне рациональны. Более того, Кейнс получил возможность применять понятие вероятности к событиям неопределенным, или уникальным — столь характерным для области экономики. Он, по существу, признавал, что «знание не может быть более точным, чем позволяет природа его объекта» (Ананьин, 2008. С. 25).

Обращение к вероятностной логике имело и еще одно важное следствие для теории знания: оно открывало возможность при получении нестрогого знания использовать индукцию, и тем самым «реабилитировать» ее как научный метод.

Вопрос о том, в какой степени и каким образом вероятностная логика Кейнса повлияла на его экономическую теорию, в течение уже многих лет является предметом дискуссий среди историков экономической мысли и методологов (см., например, Bateman, 2003; Carabelli, 2003; Gillies, 2006). Не вдаваясь в эту дискуссию, замечу только, что вряд ли есть возможность установить непосредственные и простые параллели между «Трактатом о вероятности» (Keynes, 1973) и «Общей теорией занятости, процента и денег» (Keynes, 2007). Скорее можно говорить о проявлении мировоззренческой позиции Кейнса и личности ученого, которого Шэкл называл «логиком с воображением», желая подчеркнуть, что воображение богато цветом в отличие от логики, которая по природе